

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.028

УДК 94(571.1).081"19"

ББК 63.3(253)531-442

О.В. ИЩЕНКО

**К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БАРНАУЛЬСКОЙ
ГРУППЫ УЧАЩИХСЯ (1908 Г.)**

O.V. ISHCENKO

**ON THE QUESTION OF THE POLITICAL
AFFILIATION OF THE BARNAUL GROUP
OF PUPILS (1908)**

Статья посвящена изучению деятельности Барнаульской группы учащихся как типичной нелегальной ученической организации Сибири начала XX в. и определению ее политической принадлежности с точки зрения официальных властей и самих участников событий. Основой для проведения исследования стали официальные документы правоохранительных органов и администрации учебного округа, источники личного происхождения (воспоминания участников событий), материалы, исходящие от самих учащихся, публикации в периодической печати. Рассмотрение деятельности Барнаульской группы учащихся осуществлялось в рамках системного подхода с применением проблемно-хронологического метода. В результате исследования был сделан вывод о том, что БГУ стремилась объединить широкие слои учащихся независимо от их политической принадлежности, не причисляя себя при этом ни к одной из революционных партий, но испытывая на себе влияние их идей.

The article is devoted to the study of the activities of the Barnaul group of pupils as a typical illegal pupils organization in Siberia of the early XX century and the determination of its political affiliation from the point of view of the official authorities and the participants of the events themselves. The basis for the study were the official documents of law enforcement agencies and the administration of the school district, sources of personal origin (memories of participants in the events), materials coming from the pupils themselves, publications in the periodical press. Consideration of the activities of the Barnaul group of pupils was carried out within the framework of a systematic approach using the problem-chronological method. As a result of the study, it was concluded that BGU sought to unite broad strata of pupils regardless of their political affiliation, while not identifying itself with any of the revolutionary parties, but experiencing the influence of their ideas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: воспитанники учебных заведений, Сибирь, Барнаульская группа учащихся, ученическое движение, политические партии, правоохранительные органы, источники.

KEY WORDS: pupils of educational institutions, Siberia, Barnaul group of pupils, pupil's movement, political parties, law enforcement agencies, historical sources.

ВВЕДЕНИЕ. Вопросы участия молодежи в общественно-политической жизни Сибири в начале XX в. давно привлекают к себе внимание исследователей. В сочинениях советского и постсоветского периодов утвердилось мнение о том, что на фоне резкого сокращения числа забастовок рабочих и волнений крестьян края после завершения революции 1905–1907 гг. именно кружковая деятельность воспитанников средних и низших учебных заведений стала показателем сохранения общественно-политической активности масс. Во многих

городах региона кружки учащихся в период реакции являлись основным объектом деятельности организаций социалистических партий и источником пополнения их рядов. Однако практически все подобные организации были немногочисленными и имели небольшой срок существования, поскольку их деятельность довольно быстро пресекалась правоохранительными органами в силу фактического запрета любых форм самоорганизации учащихся [4, с. 103]. Конспиративный характер деятельности кружков ограничивал появление сведений о них в открытых источниках. На этом фоне значительный общественный резонанс получило ставшее широко известным в Сибири после публикаций в периодической печати дело т.н. «Барнаульской группы учащихся» (БГУ), находившейся, по мнению исследователей, под влиянием партии социалистов-революционеров, за что часть членов группы была арестована и понесла наказание [4, с. 107; 20, с. 91].

Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что до сих пор остается не вполне понятной деятельность Барнаульской группы учащихся, была ли она действительно связана с нелегальными партийными организациями и за что на самом деле были наказаны учащиеся.

В этой связи **ЦЕЛЬЮ** настоящего исследования является выявление реальных характеристик деятельности Барнаульской группы учащихся как типичной нелегальной ученической организации Сибири начала XX в. и анализ определения ее политической принадлежности с точки зрения правоохранительных органов, учебной администрации и самих участников событий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Достижение поставленной цели представляется возможным только при сопоставлении сведений, извлеченных из различных источников: документов правоохранительных органов, распоряжений попечителя Западно-Сибирского учебного округа, протоколов заседаний педагогических советов учебных заведений, материалов, исходящих от самих учащихся (программных документов организации, листовок и пр.), воспоминаний участников событий, публикаций в периодической печати.

Методологической основой исследования стал системный подход, предполагающий рассмотрение деятельности Барнаульской группы учащихся в контексте общественно-политического движения Сибири послереволюционного периода. Применение проблемно-хронологического метода позволило расположить в хронологическом порядке имеющийся объем информации о деятельности группы, определив тем самым динамику взглядов на оценку ее политической принадлежности со стороны общественности, учебного начальства и правоохранительных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Учащаяся молодежь России начала XX в. была существенно ограничена в политических правах, включая право на свободу слова и свободу собраний. Фактический запрет на создание любых объединений воспитанников средних и низших учебных заведений приводил к тому, что стремление молодежи к самоорганизации выливалось в создание нелегальных групп, которые подлежали немедленной ликвидации, а их участники, как минимум, исключению из учебных заведений [4, с. 103]. Однако наличие общих проблем и стремление к отстаиванию своих прав способствовало активной кружковой деятельности учащихся Сибири и в период революции 1905–1907 гг., и в послереволюционный период. Нередко эти кружки создавались сторонниками идей социалистических партий или испытывали на себе их влияние [11, с. 48].

Одним из городов края, где даже в период послереволюционной реакции оставались довольно сильными позиции эсеров и социал-демократов, был г. Барнаул. Согласно сохранившимся воспоминаниям участников событий, именно представителями этих партий был создан целый ряд ученических кружков [2; 5; 6], поэтому возникновение здесь довольно крупной объединенной организации учащихся не было случайностью.

Первые сведения о наличии в Барнауле многочисленного кружка учащейся молодежи появились в феврале 1908 г., когда помощник начальника Томского губернского жандарм-

ского управления в Барнауле сообщил руководству местных учебных заведений, что среди учащихся обнаружено «преступное сообщество “Барнаульский товарищеский кружок”», который «ставит своей целью устройство ученических собраний для чтения рефератов, организацию особенной библиотеки и издание ученического журнала». При этом, по мнению сотрудника управления, во всех направлениях работы кружка «обнаружилась его революционная окраска», близкая к социал-демократам [8, л. 49].

Полученная информация была настолько неожиданной, что немедленно нашла свое отражение на страницах сибирской печати. При этом известная томская газета «Сибирская жизнь», описывая проведенное 17 февраля 1908 г. общее собрание родителей в женской гимназии М.Ф. Будкевич по вопросу о деятельности в ученической среде «Барнаульского товарищеского кружка», утверждала, что ни родительский комитет, ни совет гимназии ничего не знали о его существовании [18].

В журнале «Сибирские вопросы» был назван конкретный источник появившейся информации — местный жандармский штаб-офицер Сосиенков, который вызвал к себе начальниц обеих женских гимназий Барнаула и сделал им замечание по поводу слабого надзора за учащимися, поскольку гимназистки, возможно, входят в обнаруженное в городе тайное общество «Барнаульский товарищеский кружок». В это же время в городе был пущен слух, будто бы в Барнауле существует состоящее из реалистов и гимназисток безнравственное общество «Огарки» или «Лови момент». На собрании родителей в частной женской гимназии Будкевич 17 февраля 1908 г. им было сказано, что «г. жандармский подполковник желает, чтобы родители постарались разузнать у своих детей о «товарищеском кружке» и тем спасти их, а то они попадут в руки закона и там погибнут» [19, с. 32–34].

Таким образом, первые сведения о наличии среди учащихся Барнаула некоего тайного общества были озвучены устно и не имели никакого документального подтверждения, однако попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев уже 27 февраля 1908 г. с чувством «глубокого негодования и величайшего изумления» писал директору Барнаульского реального училища: «Что может быть ужаснее и отвратительнее в жизни учебного заведения, как возникновение среди учащихся разных подпольных кружков, преследующих преступные и безнравственные цели!» Для всех членов кружка попечитель требовал «высшей меры наказания», но поскольку эти члены еще не были выявлены, руководство учебных заведений обязывалось немедленно составить списки тех учеников, которые могли бы входить в преступное сообщество [8, л. 50–51].

В ответ на запрос попечителя педагогический совет Барнаульского реального училища в начале марта 1908 г. предоставил запрашиваемый список, а педсовет Барнаульской женской гимназии М.Ф. Будкевич предпочел дать характеристику всех учениц старших классов, не выделяя из них возможных участниц кружка [8, л. 52–53].

Однако даже в апреле 1908 г., по сообщению директора Барнаульского реального училища, никто из учащихся «по делу о преступном сообществе» не вызывался, а из частного разговора с товарищем прокурора было выяснено, что к ответственности будет привлечен только бывший ученик 8 класса реального училища Григорий Хасин. Принадлежность других учащихся к кружку дознанием установлена не была [8, л. 55]. Анализ протоколов заседаний педагогических советов показывает, что вопрос о деятельности «Барнаульской группы учащихся» на заседаниях в женской гимназии и реальном училище в 1908 г. не обсуждался [12; 14; 15].

Следовательно, до сих пор оставалось непонятным — существует ли на деле ставший широко известным Барнаульский кружок учащихся? Сложившаяся ситуация требовала дополнительного разбирательства. Попечитель Л.И. Лаврентьев запросил сведения у директора Барнаульского реального училища Антонова, и тот сообщил, что еще 26 января 1908 г. к нему явился жандармский полковник Сосиенков с просьбой отпустить учащихся на бал-маскарад, устроенный в пользу благотворительного общества, где он был одним из распорядителей.

Директор категорически отказался, ссылаясь на инструкции. Тогда Сосионков сказал «с оттенком угрозы», что если директор так точно исполняет приказы, то и он будет делать то же самое [8, л. 85–86].

2 февраля 1908 г. был проведен обыск у учеников Хасина, Шульгина и Рыбникова. По слухам, документы, найденные у Хасина, свидетельствовали о его принадлежности к преступной организации, в которую входили воспитанники реального училища, казенной и частной женских гимназий. Еще у одного ученика был найден личный дневник с записями неприличного содержания. Больше никаких документов найдено не было, но по городу поползли слухи о существующей организации, грядущих обысках и арестах. Именно после этого 9 февраля 1908 г. Сосионков собрал у себя начальство учебных заведений, сообщив им о «безнравственности» учащихся, но конкретных фактов об организации не привел [8, л. 85–86].

Руководство учебных заведений категорически отвергало сведения о нравственной распущенности воспитанников [8, л. 92–93]. Тем не менее, в июне 1909 г. попечитель Л.И. Лаврентьев докладывал томскому губернатору об образовании в Барнауле кружка учащихся, преследующего не только революционные, но и «огарковые» цели [8, л. 94]. Однако исследователями этого вопроса доказано, что подобные общества в ученической среде фактически никогда не существовали [1, с. 105].

Таким образом, до лета 1908 г. в Сибири распространялись преимущественно слухи о БГУ, но не было фактов, подтверждающих ее существование.

В июле 1908 г. в Барнауле были проведены массовые обыски и аресты в связи с ликвидацией правоохранительными органами организаций нелегальных политических партий. Первый удар был нанесен преимущественно по группе социалистов-революционеров. 22 июля 1908 г. были проведены обыски у 24 человек, среди которых были учащиеся Д. Богословская, П. Цельковская, А. Кочетова, А. и М. Лапины, О. Титова и др. [9, л. 173]. При этом у бывшей ученицы Барнаульской женской гимназии Е. Владимировой было обнаружено большое количество нелегальных изданий, в том числе эсеровские листовки «К рабочим» и «К трудовому крестьянству», газета «Сибирские партийные известия», а также протоколы заседаний Барнаульской группы учащихся, 5 номеров литографированного «Журнала учащихся», переписка и фотография Барнаульского кружка учащихся. У гимназисток П. Цельковской и М. Лапиной был найден журнал учащихся, переписка и общая фотография, причем М. Лапина на допросе созналась в принадлежности к БГУ [8, л. 98].

Таким образом, именно в ходе обысков были обнаружены документы, указывающие на существование с начала 1908 г. среди учащихся средних учебных заведений Барнаула организованной группы в составе около 30 человек. На основании анализа программы кружка и издаваемого им «Журнала учащихся» правоохранительными органами был сделан вывод о том, что БГУ «перешла на революционный путь, примкнув к партии социалистов-революционеров и целью своей деятельности имеет насильственное низвержение существующего в государстве общественного строя» [8, л. 98].

Изъятые при обысках и сохранившиеся в архивах материалы БГУ дают возможность выявить основные направления реальной и планировавшейся деятельности членов кружка. Так, в передовой статье издаваемого группой гектографированного «Журнала учащихся» указывалось, что в школе вновь проходят волнения, которые не являются результатом «агитации злонамеренных лиц», но отражают «расстройство страны под руководством самодержавного правительства». Учащимся предлагалось организовываться, объединяться в союз и согласовывать свое движение с выступлениями рабочих и студентов. В числе опубликованных в журнале материалов были стихи, призывавшие к свободе, а также стихотворение памяти умершего в марте 1908 г. анархиста-террориста Гершуни. Кроме того, в журнале была размещена биография известного барнаульского общественного деятеля В.И. Штильке и сведения об исключении из реального училища целого ряда учащихся [8, л. 100–102; 9, с. 173–175].

Протоколы общих собраний БГУ свидетельствуют о том, что собрания проводились ежемесячно или даже по несколько раз в месяц в присутствии 23–27 человек. На собраниях поднимались вопросы о приеме новых членов, о библиотеке организации и кассе взаимопомощи. Развернувшаяся дискуссия по поводу отнесения этих структур только к БГУ или создание их «для широких слоев учащихся» привела к тому, что вопрос о библиотеке решался путем опроса большинства учащихся старших классов Барнаульской казенной женской гимназии и реального училища. В результате решено было создать кассу взаимопомощи при БГУ как организаторе, но библиотека к группе не присоединилась [16, л. 5–8, 12–14]. Проведение опроса свидетельствует о том, что воспитанники старших классов средних учебных заведений Барнаула прямо или косвенно были осведомлены о деятельности БГУ. О стремлении группы усилить свое влияние на всех учащихся говорит решение передать имевшиеся в распоряжении кружка денежные средства нуждающимся гимназисткам для внесения платы за обучение, поскольку «главная цель кружка — помогать товарищам..., и этот поступок сыграет громадную агитационную роль среди учащихся в пользу организации» [16, л. 2–4].

Одним из наиболее обсуждаемых на общих собраниях кружковцев был вопрос об основных положениях программы БГУ, представленный в протоколах заседаний следующими вариантами формулировок:

1. «БГУ ставит своей целью проведение в жизнь, и главным образом в среду учащихся, идеалов революционной борьбы и идеалов истинно человеческой жизни. В достижении вышеуказанной цели БГУ стремится объединить революционных учащихся как на почве интересов чисто ученических, так на почве научных и общественных».
2. «БГУ — беспартийная революционная организация, которая может объединить всех, кто сочувствует начинаниям группы. Проведение своих идей в широкую среду учащихся осуществляется через организацию кружков саморазвития, рефератов, распространения литературы».
3. «БГУ оказывает сочувствие и содействие всем организациям и начинаниям общественной жизни, ведущим борьбу за изменение общественных условий в интересах обездоленных классов общества и за обновление жизни учащейся молодежи, как в смысле физического оздоровления, так и в смысле духовного возрождения» [16, л. 23–25].

Очевидно, что при определении целей деятельности кружка часть его членов настаивала на сохранении беспартийного характера организации, часть стремилась усилить в нем революционную составляющую, но отнесение кружка к какой-либо революционной партии не присутствует ни в одном из вариантов формулировки. В большей степени этот подход соответствовал идеям социалистов-революционеров, советовавшим молодежи «не спешить с формальной пропиской по различным фракционным департаментам», чем социал-демократов, призывавших учащихся «побystрее определиться с политической позицией и сплотиться под социал-демократическими знаменами» [17, с. 52], хотя никаких сведений о рассмотрении партийных программ протоколы собраний не содержат.

По поводу членства в группе большинством голосов было принято решение считать таковым всякого, «принимающего программу и устав ея» [16, л. 16]. Проведение своих идей в широкие слои учащихся группа планировала осуществлять путем издания журнала, организацию кружков саморазвития, чтение рефератов, распространение соответствующей литературы, учреждая для этого различные объединенные центры: кассы взаимопомощи, библиотеки и пр. [8, л. 100–102].

О том, что БГУ удалось приступить к реальной деятельности, свидетельствует отчет о работе кассы взаимопомощи, целью которой было «удовлетворение нуждающихся в материальном отношении членов ея (главным образом учащихся)». Бюро кассы должно было заниматься сбором членских взносов, устройством спектаклей, концертов, сборов, пожертвований, поиском работы для учащихся, выдачей пособий и т.д. [16, л. 25].

Стремление группы не замыкаться в рамках решения сугубо ученических дел проявилось при обсуждении вопроса о забастовке 1 мая. Понимая невозможность открытого выступления, члены группы решили содействовать проведению забастовки путем выпуска прокламации к учащимся и «устройства выступления», для чего предлагалось «справиться относительно обструкции в высших сферах». Большинство участников поддержало предложение присоединиться к массовке рабочих, мотивируя это тем, что «отделяться от рабочих не следует. Много есть общих интересов в этот день» [16, л. 20].

Одним из самых важных документов, повлиявших на определение политической принадлежности кружка, стала обнаруженная при обысках листовка за подписью «Девять», выпущенная в мае 1908 г. Судя по тексту, листовка была написана учащимися реального училища после исключения из него ряда учащихся. Критикуя царящие в стране деспотизм и произвол, авторы листовки обращали внимание общественности на то, что «лучшие силы выброшены за борт школы», причем «чтобы усыпить и обмануть общественное мнение, настоящая причина этих выбрасываний, т.е. способность этих учащихся критически мыслить, протестовать, прикрывается такими предлогами, как пропуск уроков и пр.» «Мы не можем дольше смирно, безропотно, как рабы терпеть этот произвол, мы не можем равнодушно смотреть, как выбрасываются за борт школы один за другим лучшие силы... Мы не можем, не в силах дольше терпеть — мы вступаем в борьбу с этим произволом, и тот путь, на который мы вступаем — один из крайних путей... Но у нас нет иного выхода — массовая борьба благодаря царящей реакции невозможна, и у нас остался путь борьбы единичных личностей, путь борьбы из-за угла. Мы чувствуем, что выбранный нами путь может оттолкнуть от нас многих, ... и вот поэтому мы и обращаемся к вам, разъясняя причину такого образа наших действий. Мы просим, граждане, лишь об одном: прислушайтесь к нам хорошенько и поймите, что мы не в силах дальше равнодушно смотреть, как произвол дерзко и властно заползает вглубь и вширь нашей жизни, ... а число жертв все растет и растет... Мы не можем допустить беспрепятственно разрастаться этому произволу и швыряем ему под ноги первый камень, — и вы поймите, что у нас нет возможности удержать замахнувшуюся руку!» — заключали авторы текста [7, л. 2]. Прозвучавший в листовке фактический призыв к террору позволил правоохранительным органам сделать вывод о близости членов группы к ПСР.

При этом остается невыясненным вопрос — была ли данная листовка написана членами БГУ или какой-либо другой группой учащихся. Можно только предположить, что авторами документа были именно барнаульские реалисты, поскольку в конце 1907 г. в Барнаульском реальном училище действительно происходили волнения на почве недовольства учащихся преподавателем тригонометрии Г.Н. Антоновым, в результате чего по решению педагогического совета занятия были временно прекращены. Однако после вмешательства попечителя, потребовавшего возобновить занятия и немедленно удалить всех «не желающих учиться и подчиняться установленным порядкам», ряд учеников вынуждены были покинуть учебное заведение. Незадолго до этого из училища были отчислены арестованные по обвинению в совершении государственного преступления учащиеся Н. Бодунов и В. Кузьмин [13, л. 27-29].

В результате проведенного расследования начальником Томского губернского жандармского управления был сделан вывод о том, что главными деятелями БГУ были Екатерина Владимирова, Мария Лапина, Прасковья Цельковская, Анна Кочетова, Ольга Титова, Григорий Хасин и еще ряд учащихся. Из них наиболее активными и способными пойти «на крайние меры» были названы П. Цельковская, О. Титова и А. Кочетова [9, л. 173-175], которые после проведенного у них обыска в июле 1908 г. были заключены в Барнаульский тюремный замок [10, л. 15]. Вследствие ареста Кочетова и Титова были исключены из числа учащихся женской гимназии, а П. Цельковская к этому времени уже не являлась ученицей гимназии, т.к. была отчислена в июне 1908 г. за невзнос платы за обучение [12, л. 16]. Относительно других учащихся, включенных в список членов группы, следует отметить, что Г. Хасин был

исключен из Барнаульского реального училища в связи с заключением под стражу в январе 1908 г., а гимназистки Е. Владимировой и М. Лапина были исключены по этой же причине еще в начале 1907 г. [14, л. 3; 8, л. 140].

Основными обвиняемыми по делу о БГУ стали Екатерина Владимировой, Параскева (Прасковья) Целыковская и Мария Лапина [3, л. 7], хотя, как было указано выше, Владимировой и Лапина были арестованы еще до появления сведений о БГУ. Согласно материалам следственного дела о Е.З. Владимировой, П.П. Целыковской и М.Н. Лапиной, «осужденных за принадлежность к БГУ среди населения», Е. Владимировой давать показания отказалась, а для предания ее суду «по обвинению в принадлежности к сообществу, поставившего своей целью ниспровержение существующего строя, следственным путем данных не добыто» [3, л. 2, 6]. Однако Е. Владимировой и П. Целыковской все же были признаны виновными в том, что «летом 1908 г. в Барнауле вступили в преступное сообщество, именуемое БГУ, которое поставило своей целью ниспровержение существующего в России общественного строя» [3, л. 11–12]. Основными материалами, на которых строилось обвинение, стали найденные у Е. Владимировой документы БГУ с выделением из них цитат о революционном характере деятельности группы. Против Целыковской свидетельствовало обнаружение у нее 31 экземпляра литографированного воззвания «девятого», где косвенно говорилось о терроре [3, л. 11–12]. Е. Владимировой и П. Целыковской были приговорены к заключению в крепость на 8 месяцев. Кроме них наказание по делу БГУ понесли О. Титова и А. Кочетова, высланные под гласный надзор в Каинский уезд Томской губернии на 2 года. М. Лапина была признана невиновной и по суду оправдана [3, л. 7]. В дальнейшем срок наказания Владимировой был сокращен до 2 месяцев, а Целыковской по состоянию здоровья было разрешено проживание у отца в с. Анисимовском Барнаульского уезде и «ввиду ее крайне болезненного состояния» возбуждено ходатайство об освобождении от наложенного взыскания [9, л. 99].

Материалы следственных дел могут быть существенно дополнены воспоминаниями участников событий, сохранившимися в Государственном архиве Алтайского края (фонд Истпарта). Так, согласно мемуарам члена Барнаульской социал-демократической организации М.С. Старостиной-Макковеевой, после проведенных в Барнауле в июле 1908 г. обысков и арестов социал-демократов, автор оказалась в тюрьме вместе с О. Титовой, Е. Владимировой, М. Лапиной, П. Целыковской, Д. Богословской, Е. Исаевой и другими девушками [2, л. 5]. О партийной принадлежности арестованных автор не сообщает, хотя, возможно, среди них могли быть и участницы партийных организаций, и члены БГУ.

Указанная в воспоминаниях гимназистка Дарья Богословская не фигурирует в документах в числе активистов Барнаульской группы учащихся, но, согласно воспоминаниям ее брата Е. Богословского, Даша, «организовав вокруг себя политический кружок барышень», занималась сбором денег по подписным листам в пользу социал-демократического комитета, за что вместе со своими подругами О. Манаховой (Манаковой), Ю. Стафеевской, Е. Владимировой, М. Старостиной и др. была в 1908 г. арестована, судима и приговорена к 2 годам ссылки [5, л. 43]. В воспоминаниях же Н. Балашова указано, что Екатерина Владимировой вместе с В. Середкиным, З. Овсянкиной, П. Русиной, П. Глазковой и др. входила в созданный в Барнауле в 1906 г. томским студентом С. Носковым эсеровский кружок учащейся молодежи [6, л. 75]. Т.е., по мнению автора, Е. Владимировой имела отношение не к организации социал-демократов, а к группе социалистов-революционеров. Согласно его же сведениям, в числе арестованных в июле 1908 г. в Барнауле подпольных работников были П. Целыковская, О. Титова, А. Кочетова, М. Лапина, Е. Владимировой и др. [6, л. 77–78]. Таким образом, в мемуарной литературе вероятные участники Барнаульской группы учащихся фигурируют одновременно и в числе арестованных социал-демократов, и в числе эсеров.

«В конце 1908 г. в Барнауле, Бийске, Новониколаевске и вообще в Алтайском крае были окончательно разгромлены, благодаря провокации, все подпольные организации.

22 июля 1908 г. погибла неокрепшая еще эсеровская организация в Барнауле, а в начале сентября 1908 г. была окончательно разгромлена и сильная первая большевистская социал-демократическая организация Алтайского края», — заключает Н. Балашов [6, л. 78], что подтверждается и данными исследований.

После 1909 г. сведения о Барнаульской группе учащихся в документах не встречаются, вероятнее всего ее работа была полностью прекращена. Анализ имеющихся источников дает возможность предположить, что группа действовала или пыталась действовать как общеученическая организация преимущественно беспартийного характера, но все подобные кружки учащихся в начале XX в. неизбежно становились объектом внимания революционных партий. Значительная часть учащихся включалась в работу социал-демократических и эсеровских организаций, принося их идеи в ученические объединения. Поэтому вряд ли возможно разделить участников БГУ на стоящих вне политики и разделявших идеи социалистических партий. Не делали этого и правоохранительные органы, ликвидируя все нелегальные организации одновременно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие **ВЫВОДЫ**.

В условиях спада революционного движения дело т.н. «Барнаульской группы учащихся» получило широкий общественный резонанс. Однако первоначальная оценка ее как объединения «огарковой» направленности не имела под собой никакого основания и была обусловлена, скорее, слухами о широком распространении в стране молодежных обществ безнравственного характера.

Первые реальные данные о существовании БГУ были получены только при массовых обысках в Барнауле, проводимых в ходе ликвидации организаций социалистических партий. Основной причиной ареста ряда учащихся стало их возможное участие в партийной деятельности, а не принадлежность к ученическому кружку. Анализ полученных материалов позволил правоохранительным органам сделать вывод о близости группы к ПСР.

Однако исследование разных групп источников дает возможность утверждать, что Барнаульская группа учащихся была типичным кружком воспитанников учебных заведений, нелегальность которого была определена запретом создания легальных объединений в среде учащейся молодежи. Члены БГУ, разделяя общие идеалы освободительного движения, стремились объединить широкие слои учащихся независимо от их политической принадлежности, не причисляя себя при этом ни к одной из революционных партий, но испытывая на себе влияние их идей.

Ликвидация БГУ, как и других подобных групп, не могла уничтожить стремление учащейся молодежи к самоорганизации, но негибкость правительственной политики в этом вопросе только усиливала конфликт между властью и формирующимся гражданским обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 годов // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105.
2. Воспоминания о революционной работе социал-демократических кружков М.С. Старостиной-Макковеевой (1900–1908 гг.) // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1–7.
3. Дело о Е.З. Владимировой, П.П. Цельковской и М.Н. Лапиной, осужденных за принадлежность к БГУ среди населения (20 сентября 1908–22 июня 1909 гг.) // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 46. Ед. хр. 901. Л. 1–15.
4. Ищенко О.В. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 4/3 (60). С. 103–110.

5. К истории революционного движения в Алтайском крае в эпоху революции 1905 г. // ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1-100.
6. К истории революционного движения в Алтайском крае в эпоху революции 1905 г. // ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1-104.
7. Листовка «девяти» к учащимся о режиме в средней школе (май 1908 г.) // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 5. Оп. 4. Ед. хр. 144. Л. 1-2.
8. О беспорядках в учебных заведениях Барнаула (1905 г.) // Государственный архив Томской области (ГАО). Ф. 126. Оп. 2. Ед. хр. 1940. Л. 1-145.
9. Об арестах и исключениях воспитанников средних учебных заведений // РГИА. Ф. 733. Оп. 167. Ед. хр. 495. Л. 1-180.
10. Отношения попечителя округа об аресте и увольнении учащихся из учебных заведений за принадлежность к революционным кружкам (1903-1913 гг.) // ГААК. Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 1-61.
11. Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г. Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй половине XIX — начале XX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 42-58.
12. Протоколы заседаний Барнаульской женской гимназии (март — июнь 1908 г.) // ГААК. Ф. 36. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 1-40.
13. Протоколы заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища (1907 г.) // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 1-84.
14. Протоколы заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища (1908 г.) // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1-48.
15. Протоколы заседаний педагогического совета Барнаульского реального училища (1908 г.) // ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 1-100.
16. Протоколы заседаний, проект программы, устав кассы взаимопомощи и воззвания подпольных кружков учащейся молодежи г. Барнаула в 1905 г. // ГААК. Ф. П-1061. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1-27.
17. Рушанин В.Я. Учащаяся молодежь России начала XX века: политическая культура, партийные пристрастия и настроения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 49-55.
18. Сибирская жизнь. 1908. 9 марта.
19. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1908. № 10. С. 32-34.
20. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.) Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. 196 с.

REFERENCES

1. Vatnik N.S. «Ogarki»: mify i realii gimnazicheskoy sredy 1907-1908 godov [«Ogarki»: myths and realities of the gymnasium environment of 1907-1908] // Rossijskaya istoriya. 2010. № 6. S. 97-105. (In Russian).
2. Vospominaniya o revolyucionnoj rabote social-demokraticeskikh kruzhkov M.S. Starostinoy-Makkoveevoj (1900-1908 gg.) [Memoirs of the revolutionary work of the Social-democratic circles of M.S. Starostina-Makkoveeva (1900-1908)] // Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraya (GAAK). F. P-1061. Op. 1. Eд. hr. 48. L. 1-7. (In Russian).
3. Delo o E.Z. Vladimirovoj, P.P. Celykovskoj i M.N. Lapinoj, osuzhdennyh za prinalozhnost' k BGU sredi naseleniya (20 sentyabrya 1908-22 iyunya 1909 gg.) [The case of E.Z. Vladimirova, P.P. Tselykovskaya and M.N. Lapina, convicted of belonging to the BGU among the population (September 20, 1908 — June 22, 1909)] // GARF. F. 124. Op. 46. Eд. hr. 901. L. 1-15. (In Russian).
4. Ishchenko O.V. Kruzhkovaya deyatel'nost' uchashchejsya molodezhi Sibiri v nachale XX v. [Circle activity of Siberian pupils of the early XX century] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya». 2008. № 4/3 (60). S. 103-110. (In Russian).

5. *K istorii revolyucionnogo dvizheniya v Altajskom krae v epohu revolyucii 1905 g.* [On the History of the Revolutionary Movement in the Altai Territory in the Era of the 1905 Revolution] // GAAK. F. P-1061. Op. 1. Ed. hr. 75. L. 1–100. (In Russian).
6. *K istorii revolyucionnogo dvizheniya v Altajskom krae v epohu revolyucii 1905 g.* [On the History of the Revolutionary Movement in the Altai Territory in the Era of the 1905 Revolution] // GAAK. F. P-1061. Op. 1. Ed. hr. 76. L. 1–104. (In Russian).
7. *Listovka «devyati» k uchashchimsya o rezhime v srednej shkole (maj 1908 g.)* [Leaflet of the “nine” to pupils about the regime in secondary school (May 1908)] // Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). F. 5. Op. 4. Ed. hr. 144. L. 1–2. (In Russian).
8. *O besporjadkah v uchebnyh zavedeniyah Barnaula (1905 g.)* [About the riots in the educational institutions of Barnaul (1905)] // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 126. Op. 2. Ed. hr. 1940. L. 1–145. (In Russian).
9. *Ob arestah i isklyucheniyah vospitannikov srednih uchebnyh zavedeniy* [About arrests and expulsions of pupils of secondary educational institutions] // RGIA. F. 733. Op. 167. Ed. hr. 495. L. 1–180. (In Russian).
10. *Otnosheniya popechitelya okruga ob areste i uvol'nenii uchashchihsya iz uchebnyh zavedenij za prinyadlezhnost' k revolyucionnym kruzhkam (1903–1913 gg.)* [Relations of the trustee of the district on the arrest and dismissal of pupils from educational institutions for belonging to revolutionary circles (1903–1913)] // GAAK. F. 36. Op. 2. Ed. hr. 47. L. 1–61. (In Russian).
11. Perebejnos A.E., Ptashko T.G. *Uchastie uchashchejsya molodezhi Urala v obshchestvennoj, kul'turnoj i politicheskoj zhizni vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov* [Participation of Ural pupils in social, cultural and political life in the second half of the XIX — early XX centuries] // Novyj istoricheskij vestnik. 2018. № 3 (57). S. 42–58. (In Russian).
12. *Protokoly zasedanij Barnaul'skoj zhenskoj gimnazii (mart — iyun' 1908 g.)* [Minutes of the meetings of the Barnaul Women's Gymnasium (March — June 1908)] // GAAK. F. 36. Op. 2. Ed. hr. 28. L. 1–40. (In Russian).
13. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta Barnaul'skogo real'nogo uchilishcha (1907 g.)* [Minutes of the meetings of the Pedagogical Council of the Barnaul Real School (1907)] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 105. L. 1–84. (In Russian).
14. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta Barnaul'skogo real'nogo uchilishcha (1908 g.)* [Minutes of the meetings of the Pedagogical Council of the Barnaul Real School (1908)] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 106. L. 1–48. (In Russian).
15. *Protokoly zasedanij pedagogicheskogo soveta Barnaul'skogo real'nogo uchilishcha (1908 g.)* [Minutes of the meetings of the Pedagogical Council of the Barnaul Real School (1908)] // GAAK. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 108. L. 1–100. (In Russian).
16. *Protokoly zasedanij, proekt programmy, ustav kassy vzaimopomoshchi i vozzvaniya podpol'nyh kruzhkov uchashchejsya molodezhi g. Barnaula v 1905 g.* [Minutes of meetings, draft program, charter of the mutual assistance fund and appeals of underground circles of pupils of Barnaul in 1905] // GAAK. F. P-1061. Op. 1. Ed. hr. 58. L. 1–27. (In Russian).
17. Rushanin V.YA. *Uchashchayasya molodezh' Rossii nachala XX veka: politicheskaya kul'tura, partijnye pristrastiya i nastroyeniya* [Russian pupils of the early XX century: political culture, Party preferences and moods] // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2012. № 2 (30). S. 49–55. (In Russian).
18. *Sibirskaya zhizn'. 1908. 9 marta.* (In Russian).
19. *Sibirskie pis'ma // Sibirskie voprosy. 1908. № 10. S. 32–34.* (In Russian).
20. SHamahov F.F.SHKola *Zapadnoj Sibiri mezdu dvumya burzhuaizno-demokraticeskimi revolyuciyami (1907–1917 gg.)* [The School of Western Siberia between two Bourgeois-democratic Revolutions (1907–1917)] Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1966. 196 s. (In Russian).